

они не знали еще, что вместе будут снимать свой дипломный фильм, что каждому суждена яркая жизнь в кинематографе.

Похоже, не догадывался об этом и руководитель мастерской Сергей Аполлинариевич Герасимов. Как рассказывает Яша, откуда-то сверху пришло во ВГИК распоряжение: из наименее одаренных студентов готовить режиссеров научно-популярного кино и документалистов. Сегель с Ордынским, видимо, числились в самых безнадежных. Но сказать им об этом прямо профессор не решился. Он поступил по-другому. Нагнал в коридоре, приобнял за плечи и доверительно сообщил знаменитым герасимовским, чуть гнусавым голосом:

— Вася, Яша.. Есть решение, друзья мои, наиболее перспективных студентов перебросить на самый ответственный участок: популяризировать достижения

Семена, Павел Лунгин снимает фильмы по своим сценариям. Но в память нескольких поколений зрителей глубоко врезалась та давняя картина Василия Ордынского о девочке, попавшей в изуверскую секту — пронзительный рассказ о борьбе за неокрепшую детскую душу. В главной роли блистательно дебютировала Инна Гулая — открытие Ордынского. (Уже и ее нет в живых, и одного из авторов сценария, Ильи Нусинова).

Влюбленный в русскую литературу, Василий экранизировал и классику — тургеневскую «Первую любовь», и прекрасную повесть, с которой вошел в литературу Георгий Владимов — «Большую руду». Одни фильмы удавались больше, другие были не так совершенны, но в каждом из них присутствовали взволнованный интерес и уважение к человеческой личности. Это свойство отличало Ордынского не только в творчестве, но и в повседневной жизни. Дорожа своим

сердце, таким важным в его биографии материалом, Ордынский раз в жизни сделал-таки документальный фильм — «Если дорог тебе твой дом» (по сценарию Е. Воробьева и К. Симонова). Документальная по формальным признакам, эта картина была высокохудожественной по сути, по пафосу и боли, с которой авторы рассказывали о героизме солдат и офицеров, о преступных ошибках Сталина и его приспешников, обескровивших армию арестами и расстрелами военачальников.

Цензура застойной эпохи всячески старалась приглушить критическое звучание картины. Изъяли из готового фильма кадр, где по групповой фотографии высшего командного состава Красной Армии — снимок 36—37-х годов — разливалась черная тушь, превращая в злобующие силуэты фигуры репрессированных, уничтоженных комкоров, командармов, маршалов. Кто на снимке остался?

ЛЕЙТЕНАНТУ БЫЛО БЫ СЕМЬДЕСЯТ

советской науки средствами кино. Давай-те посоветуемся — кто из вас двоих пойдет на хронику, а кто на научпоп?

Ни та, ни другая перспектива ребят не устраивала; оба хотели работать в художественном кино. Они сделали вид, что не поняли лестного предложения. Мэтр был умен, он не стал настаивать. И слава богу. Иначе мы не увидели бы многих отличных картин Ордынского и Сегеля.

Их первой совместной работой был чеховский «Переполох», потом Ордынский по сценарию Сегеля поставил очень смешной «Секрет красоты». Потом они начали работать врозь — и оба успешно.

Ордынский заставил всерьез говорить о себе фильмом «Человек родился» (сценарий Л. Аграновича). Может быть, с этого скромного фильма о судьбе молоденькой «матери-одиночки», о людском равнодушии и людской доброте и начался интерес советского кинематографа к «маленькому человеку» с его «маленькими проблемами»?

Следующей значительной работой стали «Тучи над Борском» по сценарию С. Лунгина и И. Нусинова. Господи, сколько лет прошло! Тогда Лунгин и Нусинов были молодыми «подающими надежды» киноматематиками, а сегодня уже сын

достоинством, умея в любых обстоятельствах защитить и сохранить его, Вася ни разу не позволил себе оскорбить чужое достоинство — грубым ли словом, нетактичным ли поступком, не тем тоном, наконец. А это мало кому из режиссеров удается: такая профессия — жесткая, даже жестокая.

Держаться неизменно ровно Ордынскому помогало и чувство юмора. Сдержанный, неулыбчивый, на взгляд постороннего, суховатый, он был прекрасным веселым собеседником — и собутыльником. Любил своих друзей, любил свою семью — и все отвечали ему взаимностью. Любил и свою трудную, порой мучительную работу.

Была главная тема, касаясь которой он считал себя не вправе хоть самую малость покривить душой: война, люди на войне. Лишенный всякой парадности, неброский фильм о защитниках Москвы «У твоего порога» (сценарий С. Нагорного) резко выделялся из шеренги «героических» картин о Великой Отечественной. Этой картиной режиссер, может быть, убедительней, чем кто-либо другой, прославил нехвастливое мужество русского солдата.

Не желая расставаться с этим таким близким, таким пропущенным через

Ворошилов, Буденный, еще пять-шесть человек — из нескольких десятков. Жуткий кадр вырезали, но сохранился закадровый текст, доносивший до зрителя смысл этой трагической статистики. Дикторский текст Ордынский отстоял.

Надо отметить, что не только цензура воевала против фильма. Воевали и генералы — те, кто, как горько пошутил маршал Жуков, хочет сейчас выиграть сражения, которые они прос...ли в сорок первом году.

На премьере фильма зрители встали и устроили дважды опальному маршалу десятиминутную овацию. Василий говорил, что эти десять минут были ему дороже любых призов любого фестиваля.

До последних дней своей жизни Ордынский сохранял лейтенантскую выправку и офицерскую верность армии. Но и «гражданские», не военные его фильмы воевали за правое дело. Все они были гражданскими и в другом, высоком смысле этого слова.

Валерий ФРИД.

Ордынский Василий

22-29.04.93